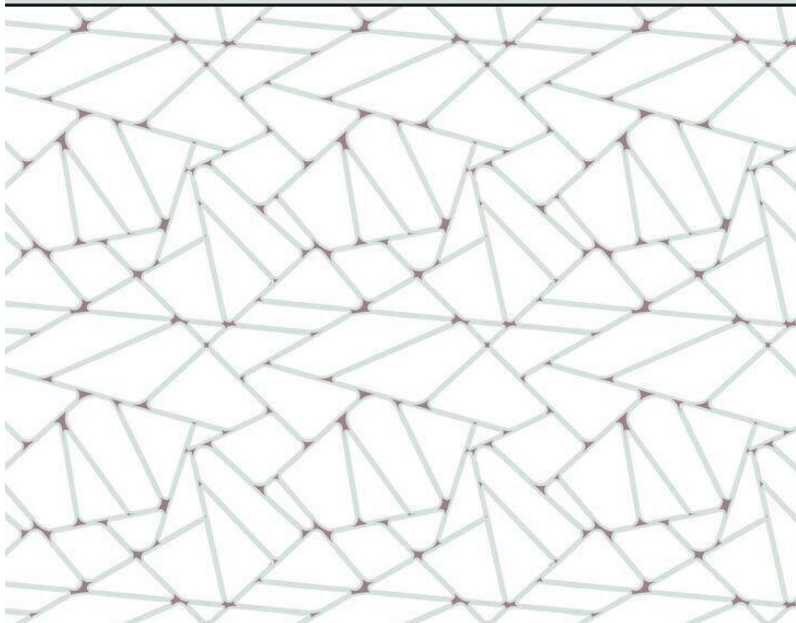

18+ Владимир Исаев

Игра без правил

Владимир Исаев

Игра без правил

<https://litres.ru/74429423>

ISBN 9785007118699

Аннотация

Владимир Исаев — мастер психологической прозы, в которой внешняя фабула часто становится лишь прозрачным намеком на глубокий внутренний конфликт. Его герои — люди рефлексирующие, живущие скорее в мире идей и ощущений, чем в мире поступков. Для него характерна камерность, пристальное внимание к детали и та особенная интонация, где ирония мешается с экзистенциальной тоской.

Содержание

Игра без правил	6
1	6
2	9
3	11
4	13
5	16
6	18
7	19
8	22
РАВНОВЕСИЕ ТРЕЩИН	24
Глава 1	24
Глава 2	29
Глава 3	32
Глава 4	36
Глава 5	39
Глава 6	41
Глава 7	43
Глава 8	45
Глава 9	47
Глава 10	50
НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ	52
1	52
2	54

3	56
4	58
5	60
6	62
7	64
8	66
9	68
10	71
11	73
12	75
13	76
14	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Игра без правил

Владимир Исаев

© Владимир Исаев, 2026

ISBN 978-5-0071-1869-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игра без правил

1

Он проснулся от того, что в комнате кто-то был.

Не от звука — в доме стояла та особенная, ватная тишина, какая бывает только ранним утром в пригороде, когда даже собаки еще спят. Он проснулся от ощущения чужого присутствия. Будто воздух в углу комнаты стал плотнее, тяжелее, и этот сгусток давил на позвонки, на затылок, на закрытые веки.

Мужчина открыл глаза. Серая стена, пятно от протекшей трубы, похожее на карту неизвестного материка. Всё как обычно. Но в ногах кровати, на продавленном кресле, которое он собирался выбросить еще три года назад, сидел гость.

Он был одет безупречно. Темно-синий костюм, белая рубашка, галстук, завязанный идеальным узлом. Лицо его казалось смазанным, как фотография, сделанная в движении, — черты перетекали друг в друга, не желая фиксироваться в памяти. Единственным, что запоминалось сразу и навсегда, были глаза. Темные, бездонные, в которых не было ни злобы,

ни насмешки. Только бесконечное, усталое знание.

— Доброе утро, — сказал гость. Голос его был низким, вкрадчивым, с легкой хрипотцой, которая делала его почти родным. — Я пришел за тобой.

Мужчина — его звали Николай — сел на кровати. Простыня сползла, обнажив бледное, испещренное шрамами время тело. Он знал, кто это. Не потому, что верил в сказки. Просто в тот момент, когда ты смотришь в эти глаза, сомнения исчезают сами собой.

— Я не готов, — сказал Николай. Обычная фраза, которой он отделялся от начальника, от жены, от жизни.

— Ты никогда не готов, — мягко улыбнулся гость. — Но дело не в готовности. Дело в игре.

Гость щелкнул пальцами. Исчезла стена с пятном. Исчезла кровать, продавленное кресло, серый утренний свет за окном. Они сидели друг напротив друга за столом. Стол был старым, дубовым, покрытым зеленым сукном. В центре лежала колода карт. Не игральных — старых, потертых, с рисунками, которые менялись, стоило лишь перевести взгляд.

— Что это? — спросил Николай. В горле пересохло.

— Это выход, — ответил гость, разворачивая одну из карт. На ней был изображен человек, стоящий на краю пропасти. — Но не для тебя. Для меня. Правила просты: ты играешь. Ты не знаешь правил. Ты не можешь отказаться, потому что выхода нет. Я не даю тебе выбора — я даю тебе иллюзию выбора. Игра длится до тех пор, пока один из нас не выиграет.

Николай сглотнул. Он хотел спросить: «А что на кону?», но гость опередил его.

— На кону — всё, что было у тебя. И то, чего не было. Твоя память, твои сны, твои неудачи. Каждый проигрыш будет забирать что-то. Каждый выигрыш будет давать... но ты не знаешь, что именно. И в этом вся соль.

Николай взял карту. Руки дрожали. Гость сидел напротив, спокойно перебирая колоду. Вместо лиц на картах были символы — странные знаки, похожие на иероглифы, на языки пламени, на изломы молний.

— Как мне выиграть, если я не знаю правил? — прошептал Николай.

— Ты должен сам их вывести, — ответил гость, и в его голосе промелькнуло что-то похожее на одобрение. — Каждый ход — это проверка. Каждый твой ход — это ставка. Ты ставишь свои воспоминания, свои чувства, свои годы. А я ставлю... мое время.

Он выложил первую карту на стол. Рубашкой вверх.

— Твой ход, Николай.

Николай смотрел на карту. Он не знал, что делать. Положил свою карту рядом. Гость перевернул свою. На ней была пустота. Абсолютная чернота, которая засасывала взгляд. Николай перевернул свою. На ней был дом. Его дом, тот самый, с протекающей трубой.

Гость покачал головой.

— Ты проиграл этот раунд. Я забираю твой дом.

Николай хотел возразить, но в груди что-то сжалось. Воспоминание о том, как он покупал эту квартиру, как впервые вошел в пустые комнаты, как клеил обои вместе с женой, — исчезло. Просто стерлось, будто его никогда не было.

— Зачем? — спросил он, чувствуя пустоту, которая разливалась внутри.

— Чтобы ты понял, — сказал гость. — Здесь нет справедливости. Есть только ходы.

Они играли долго. Счет потерял смысл. Николай ставил свои отпуска, свои школьные годы, свою первую любовь. Каждый проигрыш отнимал кусок его души. Каждый выигрыш — а выигрывал он редко, почти случайно — возвращал что-то незначительное: запах дождя, вкус шоколада, звук маминого голоса. Но это не помогало. Гость был мастером. Он знал игру. Он контролировал ритм.

Николай начал замечать закономерности. Иногда карта выигрывала, если он думал о плохом. Иногда — если он ставил всё. Но это было случайностью, дьявольской усмешкой, а не правилом.

— Ты злишься, — заметил гость, раздавая очередные карты. — Злость — это слабость. Она делает твои ходы предсказуемыми.

— А ты что чувствуешь? — спросил Николай. — Тебе не надоело? Это же бесконечность.

Гость задумался. Впервые за все время его лицо — смазанное, неуловимое — показалось почти человеческим.

— Я чувствую усталость, — признался он. — Я играл тысячи партий. С тысячами таких, как ты. Они все думают, что смогут выиграть. Что смогут обмануть судьбу. Но судьбу обмануть нельзя. Ее можно только... отсрочить. Я предлагаю людям игру, чтобы дать им шанс. Но шанс — это тоже ловушка.

Николай смотрел на него. Впервые он увидел не врага, не палача, а такого же узника. Только его тюрьма была вечной.

— А ты сам играл? — спросил Николай. — Когда-нибудь?

Гость поднял на него глаза. В них промелькнуло что-то древнее, почти забытое.

— Давно. Я проиграл. Поэтому я здесь.

Игра продолжалась. У Николая не осталось почти ничего. Он потерял чувство времени — оно просто исчезло, как утренний туман. Он потерял ощущение боли — только тупая пустота внутри. Он даже начал забывать, кто он, зачем он здесь.

Но где-то в глубине, на дне его души, осталась маленькая искра — не воспоминание, не чувство, а просто желание. Желание понять.

Он стал играть не на выигрыш, а на вопрос.

— Что будет, если я выиграю? — спросил он, кладя карту.

Гость усмехнулся.

— Ты получишь всё. Абсолютно всё. Все миры, все времена, все возможности. Ты станешь мной. И тогда сядешь за этот стол и будешь ждать следующего игрока. Это приз, который ты не хочешь получить. Но в том-то и суть — ты не можешь не хотеть, потому что ты человек. Ты хочешь победы любой ценой. Даже если она будет твоей гибелью.

Николай понял. И впервые за всю партию он почувствовал не страх, а покой.

Он посмотрел на свои карты. Он больше не видел символов. Он видел свою жизнь. Каждый жест, каждое слово, каждый вздох — всё это было здесь, на этих маленьких кусочках бумаги. И вдруг ему стало смешно. Смешно, что он так долго пытался выиграть, когда победы не было. Не могло быть.

И он сделал ход.

Он перевернул все свои карты. Все до одной. Против правил. Против логики. Против самого дьявола.

Гость замер. Его смазанное лицо на мгновение стало четким — и Николай увидел страх.

— Что ты делаешь? — прошептал гость.

— Я проигрываю, — сказал Николай. — По-настоящему. Не раунд, не партию. Всё. Я отдаю тебе всё, что у меня есть, без остатка. Я не хочу выигрывать. Я хочу, чтобы ты забрал всё.

Гость смотрел на него, и в его глазах отражалась бесконечная пустота.

— Это невозможно, — сказал он. — Это не предусмотрено правилами.

— Правил нет, — ответил Николай. — Ты сам сказал. Есть только ходы. Я сделал свой ход.

Наступила тишина. Гость смотрел на карты, которые лежали на столе. Теперь они были пусты. Просто бумага. Без символов, без домов, без жизней.

— Ты сломал систему, — сказал гость. — Ты отказался от цели. Ты отказался от приза. Ты отдал всё, ничего не прося взамен.

Николай кивнул. Он чувствовал себя легким, как пушинка. Пустота внутри больше не давила — она была частью его.

— Я понял, — сказал Николай. — Ты предлагаешь игру, чтобы мы боролись. Чтобы мы цеплялись за жизнь, за память, за иллюзию. А единственный способ выиграть — это перестать бороться.

Гость медленно поднялся. Его фигура начала таять, растворяться в воздухе.

— Ты не выиграл, — сказал он на прощание. — Но ты не проиграл. Ты стал исключением. Я запомню тебя.

— А я — тебя, — ответил Николай.

Он закрыл глаза. Когда он открыл их снова, он сидел на своей кровати. Серая стена, пятно от трубы. Старый будильник показывал 6:47.

Николай встал, подошел к окну. За окном был обычный утренний пригород. Собаки лаяли, машины сигналили. Всё было, как всегда.

Но внутри него было пусто. Абсолютно пусто. И в этой пустоте, которая лишила его всего, что он знал, всех его привязанностей и страхов, он впервые почувствовал... свободу.

Он не пошел на работу. Он не позвонил жене, которую уже не помнил, не заварил чай, который больше не имел вкуса. Он просто сидел у окна и смотрел на мир, который перестал быть его миром. Он был свободен от правил, от ожиданий, от привязанностей. Он был свободен от всего, что делало его человеком.

И в этой свободе, холодной, как вакуум, он чувствовал, что впервые за свою жизнь он действительно жив.

Иногда спасение — это не победа, а принятие тотального поражения, которое открывает дверь в иную реальность, пустую, но не враждебную. И главная цена — не душа, а сама личность, которая уступает место пустоте.

Но на этом история не заканчивается.

Прошло три дня. Николай сидел все там же, у окна. Мир двигался вокруг него, как фильм на экране. Он не ел, не пил, не спал. Ему это было больше не нужно. Он стал абсолютно прозрачным — и в этом была его сила. Никакая система, никакая игра, никакой дьявол не могли до него добраться, потому что забирать было нечего.

А потом дверь открылась.

Вошел гость. Но не тот, прежний, в темно-синем костюме. Это был другой. Молодой парень в драных джинсах и футболке. Лицо его было живым, испуганным. Он смотрел на Николая широко открытыми глазами.

— Ты? — спросил парень. — Ты здесь? Я искал тебя. Я видел тебя во сне.

Николай медленно повернул голову.

— Я никого не жду, — сказал он. Голос его звучал глухо, как из глубокого колодца.

Парень шагнул вперед, протянул руку. В руке была колода

карт. Старых, потерянных.

— Я не знаю, что делать, — сказал парень. — Он сказал, что есть один, кто прошел игру. Кто выжил. Ты. Он сказал, что ты знаешь правила.

Николай посмотрел на карты. Внутри него, в абсолютной пустоте, что-то дрогнуло. Он вспомнил свои ощущения. Свободу. Бесконечную, холодную свободу. И вдруг он понял, что этот парень — его новая ставка. Его новая игра. Только теперь он не игрок, он — дилер. Он — тот, кто сидит по ту сторону стола.

— Правила? — переспросил Николай. В его голосе впервые за долгое время промелькнула усмешка. — Правил нет.

Парень замер, не зная, что делать. А Николай понял. Игра никогда не заканчивается. Она просто меняет участников. Тот, кто был гостем, теперь освобожден. А тот, кто освобожден, становится гостем.

И эта бесконечная карусель не имеет выхода.

Николай взял колоду. Карты были теплыми, живыми.

— Садись, — сказал он парню. — Я расскажу тебе... как

проиграть.

Герой, который выиграл поражением, обречен повторить судьбу своего палача. Но настоящая неожиданность не в этом. Не в том, что Николай стал новым дьяволом.

Настоящая неожиданность в том, что он, будучи пустым, вдруг улыбнулся.

Он улыбнулся, потому что, глядя на испуганного парня, он впервые за всю бесконечность — и за всю свою жизнь — почувствовал жалость. Не к себе, нет. К этому мальчишке. И он понял, что будет делать.

Он не будет пытаться его обмануть или запутать правилами. Он просто скажет ему то, чего никто никогда не говорил предыдущим игрокам. Он откроет ему карты. Сразу. И объяснит всё с самого начала.

Потому что настоящая победа — это не выигрыш, и даже не проигрыш. Это возможность нарушить иерархию и выбрать — быть добрым, когда от тебя ждут только зла. И пусть это не спасет парня, пусть это не изменит правил вселенной. Но это сделает его, Николая... Николая... чем же... кем же?..

Игра началась...

РАВНОВЕСИЕ ТРЕЩИН

Глава 1

В мире, где каждая секунда отлита из чугуна причинно-следственных связей, человеку кажется, что он — кузнец. Он берет молот и бьет по наковальне бытия, выковывая свою волю. Но кузнец этот слеп, ибо он не видит, что молот его — всего лишь отражение удара, уже нанесенного ему в прошлом. Мы называем это свободой выбора. Мы лжем себе, чтобы не сойти с ума от ужаса предопределенности.

Но есть одна странная аномалия в этом литейном цехе мироздания. Иногда, если очень сильно упереться рогом в бетонную стену судьбы, можно продавить в ней крошечную вмятину. Можно сдвинуть стрелку компаса на полградуса. Мир этого не прощает.

Знал ли об этом Глеб? Нет. Глеб был практиком. Он торговал чем-то средним между воздухом и золотом, имел три судимости за мошенничество, которые чудом обернулись условными сроками, и считал себя любимцем фортуны. На его левом плече сидел ангел, а на правом — черт, но они оба давно спились от его цинизма и просто дремали, изредка

почесываясь.

Однако настал день, когда шестеренки государства, огромной и бездушной машины, провернулись слишком близко к его виску. Дело о хищении в особо крупных размерах было сшито белыми нитками, но эти нитки были привязаны к ногам следователя из соответствующего комитета, который мечтал о майорских погонах. Глебу грозил срок. Реальный. Не условный, даже не с отбыванием в колонии-поселении за вышиванием крестиком, а этап, зона или ещё что-то похуже (Хотя, что может быть хуже?). В общем, Вселенная, решила напомнить ему о существовании гравитации.

Чем ближе был приговор, тем отчаяннее становился Глеб. Он перепробовал всё. Он платил адвокатам, которые брали деньги и разводили руками. Он пытался подкупить свидетелей, но те либо исчезали, либо внезапно начинали говорить правду, что было еще хуже. Он молился в церкви, сжигал свечи, но гулкое эхо его голоса упиралось в расписанный купол и возвращалось обратно пустотой.

И вот тогда, на дне этой черной чаши отчаяния, ему позвонил старый знакомый, которого он не видел лет десять (но, как-то, находясь в очередном приходе тёмных и мрачных настроений, Глеб позвонил и ему и пожаловался на жизнь и её несправедливость). Звали его Эдик. Эдик был

странным человеком: он всегда выглядел так, будто только что вышел из гроба, или наоборот, собирался в него лечь — бледный, с мешками под глазами, пахнущий ладаном и плесенью. Эдик знал одну женщину.

— Слушай, Глеб, — сказал Эдик, жуя на том конце провода что-то невидимое и хрустящее. — Тут такое дело... Есть одна бабка. Не обычная. Она... ну, как бы это сказать... она дружит с изнанкой.

— С изнанкой чего? — не понял Глеб.

— С изнанкой мира, — прошептал Эдик. — Она может поменять нитки. Выдернуть одну, вставить другую. Но она не бесплатно работает. И не деньгами.

Глеб, как утопающий, схватился за этот телефонный провод, как за соломинку. Ему было плевать на цену. Ему было плевать на ведьм и на Бога. Ему нужно было выжить.

Он нашел её на окраине города, в доме, который пах не просто сыростью, а той особенной сыростью, которая пропитывает кости. Бабка, назовем её Агафья, была маленькой, сухой, как моль. Её голос скрипел, как несмазанная дверь в склеп.

— Ты хочешь уйти от суда, Глебушка? — спросила она,

перебирая сушеные грибы на веревке. — Хочешь, чтоб все забыли? А знаешь ли ты, что такое нить?

Она показала на веревку. Грибы висели, как маленькие уши, подслушивающие вечность.

— Моя нить, — сказал Глеб, — она слишком короткая.

— Нет, — усмехнулась Агафья. — Длина твоей нити — это время. А толщина — это твой вес в мире. Ты хочешь сдвинуть груз. Ты хочешь, чтобы весы качнулись в твою сторону. Но весы всегда ищут равновесие. Если я помогу тебе, Глебушка, ты должен будешь отдать мне не деньги. Ты отдашь мне... твой страх. Весь твой страх. До капли.

Глеб засмеялся. Какой страх? Он не боялся ничего, кроме тюрьмы. Но он согласился.

Агафья провела странный ритуал. Она разрежала курицу, которая внезапно оказалась пустой внутри, и в этой пустоте что-то зашевелилось. Она шептала слова, которые не имели смысла в человеческом языке, но которые заставляли стены дома вздрагивать, как живых существ. Она взяла фотографию Глеба, сунула ее в печь, а затем вытащила оттуда пепел и смешала с водой.

— Пей, — сказала она. — Теперь ты пустой. Тебе нечего бояться, потому что ты уже умер. Для суда ты умер.

Глеб выпил эту горькую, как желчь, жижу. И мир изменился. Звуки стали глухими, цвета поблекли, а люди вокруг него превратились в марионеток. Он перестал чувствовать тревогу. Страх ушел. Испарился.

На суде прокурор вдруг начал запинаться. Свидетель, который должен был дать показания, упал в обморок прямо на трибуне. В деле «внезапно» обнаружился подлог, совершенный кем-то из судей. Глеба оправдали. Полностью.

Он вышел из здания суда свободным человеком. Солнце светило, птички пели, а в груди у него зияла черная дыра. Он не боялся тюрьмы, не боялся нищеты, не боялся смерти. Он чувствовал себя богом.

Но боги не живут среди людей долго.

Глава 2

Прошло три месяца. Глеб купался в роскоши, которую едва не потерял. Он купил новую машину, завел молодую любовницу, стал пить дорогой виски. Но виски не пьянило. Женщины не возбуждали. Деньги не радовали. Он не чувствовал ни страха, ни радости. Он был механизмом.

Он вернулся к Агафье.

— Ты что-то со мной сделала, — сказал он, входя в её прокуренный дом. — Я не чувствую жизни.

— Я взяла твой страх, — спокойно ответила старуха, не оборачиваясь. — Но ты не понял главного, Глебушка. Ты думал, что страх — это помеха. А страх — это смазка. Это клей. Это то, что держит твои кости в суставах. Без страха ты — пустой горшок.

— Верни мне его! — закричал Глеб.

— Не могу, — покачала головой Агафья. — Я его съела. Точнее, я его передала. Туда, откуда пришла твоя удача. Мир нужно равновесие. Ты ушел от наказания. Кто-то должен понести его за тебя.

— Кто? — спросил Глеб, чувствуя, как ледяная рука сжимает его горло, хотя он и не боялся.

— Тот, кого ты встретишь сегодня вечером, — вздохнула Агафья. — Иди. Ты хотел знать цену. Ты её узнаешь.

Глеб вышел на улицу. Город шумел. Он сел в свою иномарку и поехал по делам. На перекрестке он не заметил, как на красный свет выскочил старенький «Запорожец». Удар был страшный. Глеб отделался царапинами — подушки безопасности сработали идеально. Но водитель «Запорожца»...

Глеб выскочил из машины и подбежал к искореженной железяке. Там, за рулем, сидел парень лет двадцати. Совсем зеленый. Студент. Он ехал на экзамен. В глазах у него застыл предсмертный ужас. Ужас, который был вырван из груди Глеба. Мир взял плату. Не деньгами, не жизнью Глеба — жизнью того, кто оказался рядом. Просто потому, что требовалось равновесие.

Глеб смотрел на труп и не чувствовал ничего. Ни жалости, ни вины. Только холод. Он понял, что вселенная не прощает долгов. Она взыскивает их с процентами, но не с того, кто должен, а с того, кто подвернется под руку. Она аморальна. Она просто считает.

Он понял, что заплатил чужой жизнью. Но это была лишь первая монета.

Глава 3

Совсем другая история. Иная нота в этой похоронной симфонии.

Был человек. Звали его Виктор. Виктор родился в конце восьмидесятых, когда страна трещала по швам, но армия была священной коровой. С детства он слышал истории деда о войне, отца об Афганистане, и эти истории были пропитаны кровью, грязью и гнилью. В его маленькой голове армия была не местом для мужества, а огромной мясорубкой, куда бросают живых людей, чтобы на выходе получить безликое фаршное мясо.

Он панически, до тошноты, до холодного пота боялся повестки. Этот страх стал его вторым «Я». Он сидел в нем, как заноза, как раковая опухоль, разъедающая все радости жизни. Виктор не мог нормально спать. Он каждую ночь просыпался от того, что ему мерещился звук военного оркестра или лязг затвора.

Он делал всё, чтобы избежать призыва. Он учился в институтах, брал академические отпуска, лечил геморрой в платных клиниках, покупал справки о плоскостопии, о язве, о чем угодно. Он симулировал шизофрению так талантливо,

что на него завели карточку в психдиспансере. Он прятался. Он бегал. Он жил в вечной лихорадке ожидания.

Он женился. Жена его, Наташа, была женщиной тихой и покладистой. Она не понимала его ужаса, но принимала его со смирением, как принимают капризы больного ребенка. У них родился сын. Назвали его Денисом.

Сын рос. У него не было страха. Наоборот, он впитывал в себя отцовские страхи, как губка, и переплавлял их в свою противоположность. Где у Виктора была дрожь, у Дениса была ярость. Где у Виктора было бегство, у Дениса был порыв вперед. Денис смотрел военные фильмы и ходил в секцию рукопашного боя. Он мечтал о форме, о орденах, о подвиге.

Виктор смотрел на сына и ужасался. Он видел в нем своё проклятие. Он пытался отговорить его. Он кричал, что война — это грязь, что там убивают, что там нет героев, только мясо. Но Денис только смеялся.

— Пап, ты трус, — говорил он. — Но я не ты.

И вот, когда Денису исполнилось восемнадцать, пришла повестка. Виктор рвал на себе волосы. Он предлагал сыну бежать, купить билет за границу, сделать что угодно. Денис отказался.

— Я хочу служить, — сказал он...

...Дениса отправили в самую горячую точку, какая только была в те годы. Чечня, Сирия, Нагорный Карабах — уже и не важно. Важно то, что он воевал там, где земля пропитана порохом, а воздух состоит из свинца. Он прошел через засады, через обстрелы, через потери друзей.

Виктор получал от него короткие письма: «У меня всё хорошо. Я жив. Скоро буду». И в каждом письме Виктор слышал тихий стук своего сердца, которое разрывалось от ужаса. Он не мог спать. Он снова боялся. Но теперь этот страх был другим — страх отца за сына. И этот страх был в сто крат сильнее, чем его собственный страх за себя.

Однажды письма перестали приходить.

Через три недели пришли люди в форме. Они стояли в дверях его квартиры, и Виктор уже знал, что они скажут. Он знал это с момента рождения Дениса. Он знал, что вселенная никогда не прощает, когда ты пытаешься откреститься от своей судьбы.

— Ваш сын, рядовой Денис Викторович, героически погиб, прикрывая отход товарищей. Он был награжден орде-

ном Мужества посмертно, — сказал сухой старшина.

Виктор не плакал. Он сидел на полу среди разбитых надежд и смотрел в одну точку. Он не пошел в армию. Он избежал мясорубки. Но мясорубка перемолола его единственное продолжение. Вселенная не спрашивает, кто ты. Она смотрит, кто у тебя есть. И если ты не хочешь платить собой, она возьмет того, кто дороже. Это арифметика. Жестокая, но простая.

Глава 4

Прошло десять лет.

Глеб, постаревший, седой, с пустыми глазами, сидел на кладбище. Он пришел на могилу того самого парня из «Запорожца». Он не знал его имени, но каждую неделю приносил сюда цветы. Это стало его ритуалом. Попыткой заплатить дань уважения, хотя бы искусственно.

Он уже не был богат. Бизнес развалился, любовницы ушли, друзья забыли. Он превратился в тень. Иногда он заходил в церковь, но молиться не умел — он разучился бояться Бога, а без страха молитва — это просто набор звуков.

В тот день он увидел на соседней скамейке старика. Старик был сгорблен, одет в старый, потертый пиджак, и держал в руках детскую фотографию. Это был Виктор. Он тоже пришел на кладбище, но не к своей могиле, а к могиле сына — Дениса.

Они разговорились. Как два призрака, которые случайно встретились в склепе. Сначала говорили о погоде, о воронах, о грязи. Потом разговор скатился в метафизику.

— Ты боишься смерти? — спросил Виктор, глядя на Глеба мутными, слезящимися глазами.

— Нет, — ответил Глеб. — Я разучился бояться. Я продал свой страх ведьме. Мне казалось, что это спасет меня от тюрьмы. Оно спасло. Но теперь я хочу умереть и не могу. Во мне нет жизни.

— А я, — прошептал Виктор, — я всю жизнь боялся попасть на войну. Я бегал от военкомата, как заяц от лисы. Я думал, что если я выживу, то всё будет хорошо. Но всё стало хуже. Мой сын пошел на войну вместо меня. И я остался жить. Вечно бояться. Страх за него, потом страх его потерять, теперь страх перед пустотой. Я заплатил дважды. Сначала я заплатил своей трусостью, которая сожрала мою душу. Потом я заплатил его кровью.

Глеб кивнул.

— Ты знаешь, — сказал Глеб, — я думал, что ведьма — это зло. Что она подстроила так, чтобы я убил того парня. Но потом я понял. Ведьма ни при чем. Она просто проводник. Как телефонная линия. Мир сам ищет равновесие.

— Мир, — горько усмехнулся Виктор, — это огромные весы. Ты кладешь на одну чашу свою подлость или свой

страх, а на другую чашу падает камень. Ты не знаешь, где этот камень упадет. Он может раздавить любого.

— Но ведь есть же высший суд? — спросил Глеб. — Есть же Бог? Он видит эту несправедливость?

Виктор посмотрел на него с такой тоской, что у Глеба, несмотря на отсутствие страха, похолодело внутри.

— Бог, — сказал Виктор, — это тот, кто сидит в центре этих весов. Он не судья. Он механик. Ему плевать, кто прав, кто виноват. Ему важно, чтобы весы вернулись в нулевое положение. Если ты качнешь их влево, он положит груз справа. Это не наказание. Это закон физики. Как гравитация.

— Но ведьма... — начал Глеб.

— Ведьма, — перебил его Виктор, — это просто костыль. Она не творит чудес. Она просто показывает тебе черный ход. Но ты должен понимать: за черный ход всегда платишь больше. Потому что ты обманул систему. Система не терпит обмана. Если ты её обманул, она возьмет не просто плату, а двойную плату. А то и тройную. Чтобы уж наверняка.

Над кладбищем сгущались тучи. Начинался дождь.

Глава 5

Ведьма Агафья умерла через год после того, как помогла Глебу. Умерла тихо, во сне. Её тело нашли только через неделю, когда соседи почувствовали запах. В морге написали: «естественные причины». Но те, кто знал, понимали: она просто закончила свою работу. Она была как отработанный патрон. Когда пуля вылетела, гильза уже не нужна.

Но в доме Агафьи после её смерти поселилась странная энергия. Там стало темно даже днем. Там пахло не просто плесенью, а чем-то сладковатым, как тление. Никто не хотел покупать этот дом. Его снесли.

Однако знак остался. Глеб иногда видел Агафью во сне. Она стояла в углу его спальни и молчала. Просто смотрела на него своими птичьими глазами.

— Ты хотел спросить меня что-то? — однажды спросил он её во сне.

— Я ничего не хочу, Глебушка, — прошепестела она. — Я лишь показываю тебе дорогу. Ты думал, что обманул мир. Ты думал, что ты ловкий, хитрый, умный. А ты просто глупый. Ты не понял главного.

— Что я не понял?

— Что нельзя сбежать. Можно только переложить груз. Но груз всегда найдет тебя. Или твоих детей. Или детей твоих детей. Ты думал, что заплатил за свой страх одной смертью? Нет, Глебушка. Ты открыл врата. И теперь через них будет течь река.

Она показала рукой вдаль, и Глеб увидел реку. В этой реке плыли лица. Лицо парня из «Запорожца». Лицо Дениса. Лицо Виктора. Его собственное лицо. Все они были связаны одной тонкой, почти невидимой ниткой.

— Что это? — спросил Глеб, чувствуя, как его душа разрывается на части.

— Это равновесие, — ответила Агафья. — Ты думал, что ты один. Но ты — звено. Каждый раз, когда ты пытаешься избежать своей участи, ты вплетаешь в эту цепь новое звено. Ты думаешь, что это цепь спасения? Нет. Это цепь проклятия. И она бесконечна. Пока есть такие, как ты, мир будет болтаться туда-сюда. Как маятник.

Глава 6

Через месяц после разговора с Виктором на кладбище, Глеб нашел у себя в почтовом ящике конверт. Он был старый, пожелтевший, без обратного адреса. Внутри лежала фотография. На фотографии был молодой парень — точная копия того самого студента из «Запорожца», который разбился на его глазах.

На обороте фотографии был написан адрес и приписка: «Мама просила передать. Ты должен был это увидеть».

Глеб поехал по адресу. Он понимал, что это какая-то ловушка, какой-то знак. Но он уже не мог остановиться. Его вела сила, которую он не мог контролировать.

Дверь открыла женщина. Пожилая, больная, с прозрачными глазами. Она молча посмотрела на Глеба и указала на комнату.

В комнате, на кровати, лежал тот самый парень. Живой. Здоровый. Он просто лежал и слушал музыку.

— Это мой сын, — сказала женщина. — Тот самый, которого ты убил. Но ты его не убил. Ты убил его двойника. Его

близнеца. Они родились вместе. Один был сильным, другой слабым. Слабый умер. Но ты должен был убить сильного. Ты убил слабого. И теперь мир снова ищет равновесие.

— Что ты хочешь этим сказать? — прошептал Глеб.

— Только то, что ты не заплатил. Ты думал, что одна смерть покрывает твой долг. Но ты ошибся. Смерть того парня была просто... авансом. Теперь мир вернется за тобой. По-настоящему.

Глеб посмотрел на живого парня, который не подозревал о своей связи с той аварией, и понял: вселенная не балуется. Она рассчитывает всё до миллиграмма. Если ты попытался украсть у неё кусок жизни, она вырвет его с мясом и бросит тебе в лицо.

Глава 7

Виктор не выдержал горя. Он умер через полгода после того, как похоронил сына. Сердце остановилось. Врачи сказали: «острая сердечная недостаточность». Но Глеб, который пришел на его похороны, знал правду. Виктор просто устал бояться. Его страх, выпестованный годами, разросся до таких размеров, что раздавил его изнутри.

На поминках Глеб сидел рядом с Наташей, женой Виктора. Она была бледна, как полотно, и держалась из последних сил.

— Он всегда боялся, — сказала она. — Даже когда Денис был маленьким, он боялся, что его заберут. Он молился, чтобы это не случилось. И когда случилось, он винил себя. Он говорил, что это его карма. Что он должен был пойти вместо сына.

— Карма, — горько усмехнулся Глеб. — Смешное слово. Древние индусы придумали его, чтобы оправдать жестокость мира. Мол, ты сам виноват. А мир — просто зеркало. Но это не так.

— А как? — спросила Наташа.

Глеб посмотрел на свечи, на лица скорбящих, на икону в углу и понял, что у него нет ответа. Он думал, что знает всё о равновесии. Но равновесие — это не математика. Это река, в которой утопают все.

Глава 8

Он пошел к реке. Той самой, которую видел во сне. Он бродил по берегу, смотрел на мутную воду и искал лица. Он знал, что где-то там, в глубине, сплетены их судьбы — его, Виктора, Дениса, того парня, Агафьи.

Он сорвал с себя крест, который всегда носил, и швырнул его в воду. Крест ушел ко дну, и на мгновение вода стала прозрачной. Глеб увидел дно. Там, на илистом дне, лежали не камни, а часы. Множество часов. Они все показывали разное время. И все они тикали.

Тик-так. Тик-так.

— Мы все идем по кругу, — прошептал он. — Мы думаем, что мы свободны, но мы просто марионетки, которые дергают за нитки сами себя. Ведьма просто показала мне нитку. Но я порвал не ту. А может и не было той правильной нитки, которую можно порвать и будет всё нормально...

Он сел на берегу и заплакал. Впервые за много лет его страх вернулся к нему. Он пришел не извне, он пророс изнутри, как трава сквозь асфальт. Он понял, что продал свою трусость, но купил ею чужую боль. И эта боль стала его веч-

НЫМ СПУТНИКОМ.

Глава 9

Прошло еще два года. Глеб жил в крошечной квартирке, пил дешевый портвейн и перебирал старые фотографии. Однажды он нашел фотографию Виктора. На обороте Виктор написал: «Если ты читаешь это, значит, я уже мертв. Прости меня. Я не хотел, чтобы мой страх стал твоей ношей. Но теперь ты знаешь правду. Единственный способ остановить это колесо — перестать бояться. Не продавать страх, не бежать от него, а просто принять его. Принять, что ты умрешь. Что твой сын умрет. Что все умрут. И когда ты примешь это, весы перестанут качаться. Они застынут. И тогда наступит покой».

Глеб перечитал это письмо сто раз. И в сотый раз понял, что Виктор был прав. Фатализм — это не когда ты веришь в судьбу и плывешь по течению. Фатализм — это когда ты принимаешь течение таким, какое оно есть, и перестаешь грести против него. Перестаешь просить ведьм, богов, дьяволов. Ты просто плывешь. Куда-то.

Он вышел на улицу. Был вечер. Горели фонари. Глеб переходил дорогу. Он не смотрел по сторонам. Он не боялся машин. Он шел с закрытыми глазами, чувствуя, как ветер касается его лица.

Послышался визг тормозов. Глеб открыл глаза и увидел перед собой черный джип. Джип остановился в сантиметре от него. Из окна высунулся молодой водитель и заорал:

— Ты что, псих?! Убиться решил?!

Глеб улыбнулся. Впервые за долгие годы.

— Да, — сказал он. — Решил. Но ты не дал.

Он пошел дальше, но внезапно остановился. Он обернулся. Водитель вылез из машины. Это был Денис. Живой, здоровый, с орденом на груди. Денис, который должен был умереть на войне.

— Вы что-то хотели? — спросил Денис, хмурясь.

— Нет, — покачал головой Глеб. — Просто... твой отец просил передать тебе привет.

Денис побледнел. Он ничего не ответил, просто сел в машину и уехал.

Глеб стоял на обочине и смеялся. Смеялся так громко, что на него оборачивались прохожие.

— Он выжил! — кричал Глеб. — Он выжил, потому что его отец умер! Потому что страх ушел! Равновесие!

Но тут же его смех оборвался. Он понял, что Денис выжил только для того, чтобы мир снова не перекосялся. Если бы умер Глеб, умер бы Денис. Но Глеб выжил, и Денис выжил. А значит, весы всё еще качаются. Где-то в другом месте умирает кто-то другой.

И Глеб понял самое страшное: нет никакого финала. Нет никакой развязки. Есть только бесконечный процесс перетекания. Жизнь перетекает в смерть, смерть в страх, страх в поступок, поступок в карму.

Глава 10

Он пришел к дому, где жила Агафья. От дома остался лишь пустырь. Глеб сел на траву и закрыл глаза.

Он вспомнил свой разговор с Виктором. Он вспомнил слова Агафьи: «Мир не может без равновесия». Но он понял теперь нечто иное. Равновесие — это не когда всё хорошо. Равновесие — это когда всем плохо поровну. Если ты делаешь плохо, то плохо всем, и поровну. И соответственно, если хорошо, то...

Он открыл глаза и увидел перед собой Виктора. Тот стоял и улыбался. Он был молодой, как в молодости, и на нем не было ни пиджака, ни морщин.

— Ты пришел? — спросил Глеб.

— Я всегда был здесь, — ответил Виктор. — Ты думал, что мы разные. Что у нас разные истории. Но мы — одно. Одна цепь. Одна река.

— Что мне делать? — спросил Глеб.

— Ничего, — пожал плечами Виктор. — Просто пере-

стань считать. Перестань думать, что ты должен кому-то. Ты ничего никому не должен. Мир ничего тебе не должен. Есть только движение. И когда ты остановишься, ты увидишь, что движения нет. Есть только ты. И пустота.

Глеб закрыл глаза и почувствовал, как его тело растворяется в воздухе. Он не умер. Он просто исчез. Испарился. Как утренний туман.

Прохожие, которые шли мимо пустыря, видели только старую скамейку и немного мусора. Никто не заметил, что с этого света ушла еще одна душа, измученная поисками справедливости...

НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

1

Он сидел на кухне и смотрел, как закипает чайник. Пластиковый, дешевый, с облупившейся кнопкой. Жена — Ирка — ходила за его спиной, гремела посудой, что-то бурчала под нос. Он давно научился не вслушиваться. Это как белый шум. Шипение пара, стук ложки о кружку, ее голос.

— Ты опять купил это молоко? Я же говорила тебе сто раз, бери «Домик в деревне», оно нормальное, а это — вода.

Он кивнул. Не глядя.

— Ну что ты киваешь, как китайский болванчик? Ты меня слышишь вообще?

Он слышал. Он слышал это уже пятнадцать лет. Каждый день один и тот же диалог. С небольшими вариациями. «Опять носки бросил», «Опять с друзьями до двенадцати», «Опять сидишь в своем компьютере».

Ирка считала, что знает его. Она знала, что он любит яичницу с помидорами. Что он храпит, если лежит на спине. Что он подписывается на дурацкие группы про рыбалку, хотя ни разу в жизни не поймал ничего крупнее плотвы. Она знала его биографию: родился, учился, женился, работает. Замкнутый круг.

Но она не знала главного.

Она не знала, что у него внутри.

Потому что внутри у него было не то, что видно снаружи. Там был город. Серый, бетонный, безлюдный город, по которому он бродил каждую ночь во сне. Были запахи, которых не существовало в природе. Были голоса, которые говорили на языках, которых он не учил.

И он писал.

Он писал книги, чтобы вытащить это наружу. Чтобы этот город перестал быть только его болезнью, его тайной. Чтобы кто-то другой увидел эти серые стены и эту тоску.

Ирка его книги не читала.

— Скукота, — сказала она, пролистав первые две страницы первого романа, еще десять лет назад. — Тошнотворный какой-то. Нормальные люди про любовь пишут или про детективы. А ты... Тьфу.

И это был приговор. Больше она к его текстам не прикасалась. Она видела его каждый день: уставшего, с мешками под глазами, небритого. Она видела его слабости. Она знала, где у него родинка на спине. Она считала, что знает его на-

изусть.

Вот в этом и была проблема.

Мозг — это не книжка, которую можно пролистать. Это даже не комната, где можно заглянуть во все углы. Это — черная дыра. И то, что она видела, было лишь искаженной тенью на стене пещеры.

А настоящий он — тот, что во тьме, — ей был не нужен.

Друзья видели его иначе.

Раз в месяц они собирались в гараже у Санька. Пили пиво, травили байки, иногда смотрели футбол по старому телику. Друзья знали его с армии, с института. Они видели его вспышки гнева, его дурацкие шутки, его привычку уходить в себя посреди разговора.

— Эй, писатель, — окликал его Санёк, — ты где? Опять в своем мире витаешь?

Они называли его «писателем» снисходительно, как называют рыжего рыжим. Это было ярлыком, но не сутью.

Друзья видели в нем нечто среднее. С одной стороны — того же Иркиного мужика, который может надраться и забыть дома ключи. С другой — мерцание чего-то иного. Они чувствовали это, когда он вдруг, посреди пьяной болтовни, произносил странную фразу. Фразу, от которой на секунду становилось неуютно. Которая звучала как стих или как закливание.

Они отмахивались. Смеялись. Хлопали его по плечу.

— Ты у нас философ, — говорил Санёк.

И это было даже ближе к истине, чем «писатель».

Но настоящего они тоже не видели. Они видели лишь проекцию. Отражение его в мутной луже. Человека, который знает анекдоты и может помочь перетащить диван. Но тот, кто жил в его голове — тот, кто строил города из пепла и разговаривал с мертвыми, — оставался для них невидимкой.

А были еще читатели.

Их было не много. Пара сотен человек, которые купили его дебютный роман «Серая вода». Потом еще один — «Стеклянный дождь». Потом третий — «Человек, который забыл дышать».

Эти люди никогда его не видели. Они не знали, как он жует бутерброд и что у него за гарнитура на телефоне. Они не слышали его голоса. Они не могли понюхать его заношенный свитер.

Они видели только текст.

И этот текст был чистым. Без фильтров. Без бытовой шелухи. Без его усталости и его храпа.

Они видели проекцию его души на бумагу. И для них это был самый настоящий «он».

Одна женщина из Питера написала ему письмо. Длинное, путаное, сбивчивое. Она писала, что его герой — этот мрачный, сломленный инженер — спас ей жизнь. Что она, лежа

в больнице и глядя в белый потолок, поняла, что не одна в своей тоске. Что кто-то там, в книге, живет так же.

Она подписалась «Анна». Больше он о ней ничего не знал. Но Анна знала его лучше, чем Ирка. Потому что Ирка видела оболочку, а Анна видела суть. То, как он раскладывает слова. То, как он дышит между строк. Анна видела его город.

Это было странно.

Странно и страшно.

Человек, который никогда не видел его лица, знал о нем то, чего не знал даже он сам. Потому что, когда он писал, он не всегда понимал, что именно пишет. Слова текли сами. Они вылезали из той черной дыры, которую он сам боялся исследовать.

И Анна, читая их, становилась ближе к нему, чем жена, которая спит с ним в одной постели.

5

Он попытался объяснить это Ирке. Однажды.

Вечером, когда она мыла посуду, он подошел и сказал:

— Знаешь, есть одна читательница из Питера. Она пишет мне письма. Говорит, что я ее понимаю. Что я про нее написал.

Ирка фыркнула.

— Ой, да брось. Ты пишешь какую-то муть. Она просто больная, у нее времени много. Или втюрилась в тебя по интернету. Это у них, у питерских, крыша едет от сырости.

Она даже не обернулась.

И он понял: между ними стена. Не та, которую можно пробить тараном. Другая. Стенка из его же книг. Стеклопанная, но бетонная. Она стояла прямо посередине кухни, и они уже много лет смотрели друг на друга через нее, не в силах коснуться.

Ирка не хотела видеть то, что он носил внутри. Это нару-

шало её привычный мир. Ей был нужен мужчина — удобный, предсказуемый, с которым можно ругаться из-за молока. Ей не был нужен Пророк, бредущий по пустыне собственного разума.

Она хотела обычного мужика. А он хотел быть понятым.

И они оба проигрывали.

Он стал замечать, что начал раздваиваться.

Утром, бреясь перед зеркалом, он видел одно лицо: усталое, с сединой на висках, с глубокими морщинами. И это лицо говорило:

— Ты — никто. Ты — офисный планктон, который приносит деньги. Ты — муж, который забывает купить хлеб.

А вечером, когда он садился за компьютер и открывал новый файл, появлялся другой. Этот другой не умел шутить про хоккей. Он дышал тяжело, как будто только что вынырнул из ледяной воды. Он видел миры, где время текло вспять, где люди умирали по нескольку раз, где в углах комнат прятались сущности без лиц.

Он пытался подружить их. Впустить того, ночного, в свой быт. Но тот кривился и уходил. Ему было тесно в этой однушке с обоями в цветочек.

Друзья замечали эту переменчивость.

— Ты, брат, какой-то дерганый стал, — сказал как-то Са-

нёк, наливая ему пиво. — То смеешься, то взгляд стеклянный. У тебя все нормально?

— Нормально, — ответил он.

Он врал.

Нормально — это когда ты цельный. А он собирался из осколков. И каждый из осколков был настоящим. Тот, кто разговаривал с Саньком, был настоящим. Тот, кто писал про Стекланный дождь, был настоящим. Тот, кто молчал с Ирой, тоже был настоящим.

Но они не сходились в одной точке.

В один из дней он получил письмо от Анны. Не длинное. Всего три строчки.

«Я поняла. Ваш последний роман — он не про город. Он про то, что вы не можете выбраться из собственной головы. Вы построили там лабиринт, и вы в нем потерялись. Вы не хотите выходить. Потому что там вы — Пророк. А здесь вы — никто. Я вас люблю. Люблю того, кто там. Спасибо, что разрешили мне заглянуть».

Он смотрел на экран. По спине пробежал холод.

Она поняла. Она, эта невидимая женщина из сырого Питера, поняла больше, чем он сам. Она не видела его оболочку, она видела его проекцию. И она влюбилась в эту проекцию.

Он не знал, как на это реагировать.

Он написал ей в ответ просто: «Спасибо».

А ночью он лежал рядом с Ирккой, которая сладко сопела в подушку, и смотрел в потолок. Ирка была теплой, живой. Он

мог дотронуться до ее руки. Он мог поцеловать ее плечо. Но между ними была пустота. А с Анной, которую он никогда не видел, — связь. Тонкая, как паутина, но электрическая.

Это был тест. Проверка на вшивость.

Кто ты, мужик? Тот, кого видит жена, или тот, кого видит читательница?

Он выбрал третье.

Он решил показать себя.

Он написал рассказ. Прямой, жесткий, без метафор. Просто: «Это я. Вот такой. Я хожу на работу, я сру по утрам, я люблю суп с фрикадельками, и я боюсь умереть. И я не знаю, кто я. Ирка считает, что я придурок. Санёк считает, что я чудак. А ты, читатель, — кто ты для меня?»

Он отправил это Анне. И еще несколькими своим постоянным читателям.

Ответы пришли через день.

Анна написала: «Это ложь. Вы не такой. Вы пугаете себя. Вы притворяетесь обычным, чтобы мы отвернулись. Но я вижу вас насквозь. Вы — тот, кто пишет. Остальное — маски».

Другой читатель, мужчина из Москвы, написал: «Мне понравилось. Но вы правы, это не ваш формат. Не надо лезть в говно быта. Вы — мрачный гений. Оставайтесь мрачным гением».

И тут он понял, что проиграл.

Как только он попытался показать свою самую слабую, самую человеческую часть, его читатели ее отторгли. Им не нужен был человек. Им нужен был Пророк. Тот, кто говорит с ними с высоты своего лабиринта.

А Ирке, наоборот, не нужен был Пророк. Ей нужен был просто мужик.

И он оказался между двух огней. Истина — та, настоящая, его суть — она не помещалась ни туда, ни туда. Она была где-то посередине. В той черной дыре, которую он сам боялся открыть.

Он стал заложником своей же проекции.

Он поехал к Саньку. Просто посидеть. Помолчать.

Санёк, как обычно, возился с машиной, вытирал руки ветошью. Он был хорошим другом. Не лез в душу, не задавал вопросов. Просто был рядом.

— Слушай, — начал он, глядя, как Санёк крутит гайку.
— Вот ты меня видишь. Кто я для тебя?

Санёк хмыкнул, не отрываясь от дела.

— Ты? Чудак на букву «М». Ну, серьезно. Нормальный мужик. Рыбу любишь, хоть ловить не умеешь. Пиво пьешь. Жене изменять боишься. Что еще?

— А если я скажу тебе, что я — не я?

Санёк отложил ключ. Посмотрел на него внимательно, как смотрят на человека, который может ляпнуть что-то не то.

— Это ты к чему? Ты что, книги свои имеешь в виду?

— Ну да. В книгах я другой.

— Так это же книги, — сказал Санёк. — Это выдумки. Ты там не ты, там персонажи. Я же понимаю.

Он хотел возразить. Хотел сказать, что персонажи — это он. Что он выплевывает себя на страницы, и там его душа, чистая, без кожи. Но он промолчал. Потому что понял: Санёк тоже не видит. Он видит проекцию, но другого рода. Снисходительную. Он видит «мужика, который пишет книжки, ну чудит иногда». И эта проекция — тоже часть правды, но не вся.

— Сань, — сказал он. — А если я умру, что останется?

Санёк закашлялся.

— Ну ты даешь. Трезвый — и такое. Останется — ну, могила, памятник, книжки твои дурацкие. Ирка будет поминать. Мы с пацанами выпьем.

— А они будут меня знать?

— Кто, книжки?

— Да нет, люди. Читатели.

Санёк пожал плечами.

— А какая разница? Тебя уже не будет. Хер с ними, с читателями.

Он засмеялся. Но смех был горький.

Санёк — друг — видел его именно так. Друг не знал его книг. Друг знал его привычки. Но другу было все равно на того, ночного. Потому что для друга ночной — это когда он спит.

И опять он остался один на один со своей проекцией.

Начался разрыв.

Он перестал спать. Он ложился, закрывал глаза, но вместо сна к нему приходил его город. Тот самый, серый, который он строил в книгах. Теперь он жил там не только ночью, но и днем. Иногда, сидя в офисе за монитором, он вдруг видел, как стены плавятся, и вместо коллег появляются те, безликие. Он слышал их голоса.

Он записывал это. Ему казалось, что если он запишет, то отпустит.

Но он не отпускал. Он сам рвался туда.

Ирка заметила. Она всегда замечала, когда он слишком уходил в себя.

— Ты какой-то чужой, — сказала она однажды утром. — Ты как зомби. Ты меня слышишь? Ты вообще здесь?

— Здесь, — ответил он, глядя прямо на нее, но видя за ее плечом вечную серость.

— Нет, ты не здесь. Ты в своей чертовой книжке.

— Ты не знаешь, что у меня в голове, — тихо сказал он.

Ирка вспыхнула.

— А что у тебя в голове? Фантазии? Ты мог бы жить нормальной жизнью. Дом, семья. Но тебе надо страдать, да? Тебе надо быть гением. А ты просто — просто усталый мужик, который не может купить нормальное молоко!

Она кричала. Он молчал.

Она была права. И не права одновременно.

Вот эта ее ярость — она была от непонимания. Она боялась того, чего не видит. Потому что если она признает, что у него в голове — бездна, то ей придется признать, что она живет с незнакомцем. А это страшно.

Ей легче было думать, что он просто идиот.

Пришло время для странного. Для того, что он сам не мог объяснить.

Он сидел на кухне, когда в голове зазвучал голос. Не его собственный. Голос Анны. Он слышал его отчетливо, хотя никогда не слышал ее настоящего голоса.

— Ты слишком много думаешь о них, — сказал голос. — О жене, о друзьях. Ты пытаешься быть тем, кого они хотят видеть. Но ты же знаешь: в твоей голове — правда. А правда не делится.

Он сжал виски.

— Кто ты? — спросил он вслух.

— Ты знаешь. Я — твой читатель. Я — твоя проекция. Я — та часть тебя, которая видит тебя целиком.

Он открыл глаза. Ирка, проходя мимо, посмотрела на него как на сумасшедшего.

— Ты с кем разговариваешь?

— Ни с кем.

Она покачала головой и ушла.

А он понял. Голос Анны был его собственным голосом. Просто тот голос, который он боялся признать. Это его разум создал читательницу, которая его видит. Потому что ему нужен был кто-то, кто видит его настоящего. И он придумал ее. Или она существовала реально, но он притянул к ней свои проекции — не важно. Она стала частью его лабиринта.

Он создал три зеркала.

Одно зеркало — жена. Она отражала его быт, его слабости, его каждодневную серость.

Второе зеркало — друзья. Они отражали его социальную роль, его маску.

Третье зеркало — читатели. Они отражали его душу, его выдуманный мир.

Но ни одно из этих зеркал не показывало его целиком. Истина была где-то между ними. В той щели, где зеркала трескаются.

12

Он решил собрать всех вместе.

Это была безумная идея. Но он чувствовал, что если не сделает этого, то сойдет с ума окончательно.

Он написал Анне письмо: «Приезжай. Давай встретимся. Я покажу тебе себя. Настоящего».

Анна ответила: «Я боюсь. Если я увижу тебя, я могу потерять тебя. Того, кого я люблю. Ты — не твое тело. Ты — слова».

Он настаивал.

— Приезжай. Я должен, чтобы ты увидела меня. И Ирка тоже. И Санёк. Я хочу, чтобы вы все посмотрели на меня одновременно.

Она согласилась.

Это был его последний эксперимент.

Они встретились в парке. Было холодно, слякотно. Листья прилипали к мокрому асфальту.

Анна оказалась невысокой, полноватой женщиной лет сорока. Она была похожа на библиотекаря. Она стояла и смотрела на него с ужасом. Не потому что он был страшен — он был обычным. А потому что она увидела оболочку. И эта оболочка разрушала образ.

Она протянула руку.

— Здравствуйте. Я — Анна.

Он пожал ее руку. Рука была теплая, влажная.

— Вы... Не такой, — сказала она.

— А какой? — спросил он.

— Я думала, вы выше. И глаза... У вас глаза усталые. А в книгах они светятся.

Он горько усмехнулся.

— В книгах я живу. А здесь я дышу.

Он привел ее домой. Ирка уже была в курсе. Он сказал ей, что придет читательница. Ирка надела фартук, приготовила чай. Но в глазах ее была сталь. Она готовилась к войне.

Санёк тоже приехал. Ему было интересно.

Все собрались в маленькой гостиной.

И начался абсурд.

Ирка смотрела на Анну как на соперницу. Анна смотрела на Ирку как на стену, которая отделяет ее от автора. Санёк сидел и крутил в руках зажигалку, чувствуя себя лишним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.